Лариса Малмыгина

18+

Кукол бояться - в лес не ходить

мистические истории

Лариса Малмыгина

Кукол бояться – в лес не ходить. Мистические истории

«Издательские решения»

Малмыгина Л.

Кукол бояться – в лес не ходить. Мистические истории /
Л. Малмыгина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904796-0

Стоит ли принимать в дар или покупать старинные куклы у незнакомых людей, которые со слезами на глазах умоляют вас это сделать? Главная героиня мини-повести Оля Егорова пожалела таинственную женщину-продавца на рынке и… множество бед свалилось на её голову.Кроме повести в сборнике помещены мистические истории.

ISBN 978-5-44-904796-0

© Малмыгина Л.
© Издательские решения

Содержание

Да будет воля Твоя 6
История одной болезни 11
Параллели 14
Любовь или шашлыки 18
Почему они нас не любят 21
Когда опадают листья 24
Если опустеет квартира 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Кукол бояться – в лес не ходить
Мистические истории

Лариса Малмыгина

© Лариса Малмыгина, 2018

ISBN 978-5-4490-4796-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Да будет воля Твоя

Коридор был узким и длинным. Где-то вдали виднелось расплывчатое серебристое пятно, оно пружинило, притягивало к себе и отталкивало. Под ногами похрустывал песок, он бесцеремонно проникал в лёгкие шлёпанцы, застревал между пальцами и царапал нежную кожу. Как ни странно, по помещению гулял ледяной сквозняк, хотя сзади коридор превращался в воронку, не пропускающую оттуда даже крохотного лучика света. Теперь уже оттуда!

Яна останавливалась, с надеждой оглядывалась, но ветер подхватывал её невесомое тело и торопил к неизбежности. Что ждало в конце пути, она не знала, а потому упиралась руками в коридорные стены, и её ладони скользили по их мшистой, скользкой поверхности. Хотелось плакать, но рыдания, не вырываясь наружу, только раздирали грудь. Как она попала сюда? Неужели решилась на отчаянный шаг? Ради чего, в конце концов?

*****

– Какая прелестная шляпка! – изящная женщина лет пятидесяти вертелась перед зеркалом, установленном на комоде, застеленном вытканной «ришелье» белой скатёркой. На скатёрке друг за другом выстроились мраморные слоники в количестве семи штук, они расположились по росту и символизировали счастье семьи, в которой находились. Женщина была актрисой, и её дочь актрисой, а вот внук являлся умницей и гордостью школы.

– Душенька, взгляни, – обворожительная хозяйка квартиры взяла за подбородок большеглазую тринадцатилетнюю девчушку, зачарованно наблюдающую за ней, – нравится моя шляпка? Если да, то я подарю её тебе. Хочешь? Примерь!

– Примерь, – посоветовал Сережа. Он сидел на кожаном диване и изучал принесённый из дома объёмистый том Большой Советской энциклопедии.

И Яна последовала совету, а потом от неожиданности зажмурилась, так хороша она оказалась в обнове. Ослепительно хороша, даже лучше Евы Анатольевны.

– Вот и славно, – рассмеялась Элеонора Сергеевна. – Думаю, Ева одобрит моё решение.

А потом наклонилась и чмокнула в щёчку юную подругу, обдав её ароматом цветочных духов. Мама Яны душилась только «Красной Москвой», и их резкий запах девочке не нравился.

– А теперь пить чай, – велела Серёжина бабушка, достала с полки дубового буфета коробку дорогих шоколадных конфет «Каракумы» и поставила на стол сиреневые чашки тонкого расписного фарфора из наследства отца – дворянина. – Придёт время, и именно Яночка заменит меня на подмостках.

– Да? – удивился Сергей и взгляд его синих глаз остановился на растерявшейся девочке.

Уже год под предлогом обучения вокалу Яна бегала к приме городского театра Элеоноре Шереметьевой в старый квартал, состоящий из двухэтажных, одноподъездных деревянных домиков, в надежде повстречаться с её единственным внуком Серёжей, но одноклассник всё свободное время сидел над книгами дома, он прилежно постигал науки. А ещё он знал английский, французский и осваивал японский язык. Дом Сергея находился там же, что и жильё Яны, он был кирпичным, трёхэтажным, после войны его построили пленные немцы.

*****

– Попробуй «семейку» с ежевикой, – положила девочке на тарелку крохотную булочку, начинённую душистой ягодой, Ева Анатольевна. – И ты попробуй, Серёжа.

– Сейчас, мам, – вышел из своей комнаты высокий брюнет, в которого влюбились почти все одноклассницы. И не только они.

– Красавчик этот Красовский, – шептались Янины подружки и провожали восхищёнными взглядами принца из сказки, ведь только таким должен быть настоящий принц: умным, изысканно вежливым, утончённо деликатным.

Яне повезло – принц жил в соседнем подъезде, и их матери как чуть общались между собой. И ничего, что её мама работала простой швеёй, а Серёжина играла Дездемону. И папы общались, их связывал машиностроительный завод.

– Прости меня, – сказал тогда на чаепитии Сергей, когда Ева Анатольевна вышла с кухни, – что якобы не обращаю на тебя внимания. У меня постоянное чувство, что я не имею права на личную жизнь. Если бы имел, только такая красивая девочка могла бы стать моей подругой. Ты даже не представляешь, какая ты красивая. Как ангел…

Это «как ангел» и преследовало Яну всю жизнь. Как ангел….

Проучились они бок о бок в одном классе десять лет, затем Красовский в Москву подался, чтобы в МГИМО поступить, а Яночка в местный мединститут пошла. Годы и полетели. Один, другой, третий…. Оканчивая ординатуру, выскочила молодая врач замуж за коллегу. Понравился, вроде бы. Там и дети родились. Двое: мальчики. Квартиру молодые специалисты от города получили, в отпуска на море ездить стали. А Сергей в Чехословакию улетел, в посольство на работу его пригласили, и там по службе вверх пошёл.

– Не женится мой сыночек, – как-то пожаловалась Яне Ева Анатольевна. – А как уж я мечтала, что ты моей невесткой станешь, внуков нам родишь.

А на следующий месяц после этого разговора от сердечного приступа внезапно умерла нестареющая и неунывающая Элеонора Сергеевна, и тут на похороны приехал её единственный внук – грациозный, с длинными волосами, аккуратной бородкой, в элегантном чёрном костюме. Сбежались на него поглазеть бывшие одноклассницы, повздыхали да к семьям вернулись. Не для них принц, а вот для кого – неведомо.

– Ты ещё очаровательнее стала, – после помин шепнул Яне на ухо Серёжа, и его синие глаза в обрамлении густых ресниц подёрнулись влагой. – Мама пишет, живёшь хорошо, дружно.

– Хорошо, – кивнула молодая женщина и мужа Павла вспомнила, а затем его с любовью юности сравнила.

– Рад за тебя, – осветился дежурной улыбкой красавец и на часы посмотрел.

А на следующий день улетел восвояси.

– Бороду-то зачем отрастил, – при встрече обсуждали Серёжу бывшие одноклассники, – будто поп какой?

– А он и есть поп, – тем же вечером призналась Ева Анатольевна. – Бросил свою престижную службу да в Духовную Семинарию подался. Азы религии постигает. И в кого такой религиозный? Наверное, в прадеда, графа Шереметьева. Только не говори, деточка, никому, засмеют ведь!

И Яна молчала. Так и промолчала много лет, пока в Интернете не прочитала, что Сергея после окончания уже Духовной Академии, с учёной степенью «доктор богословия» настоятелем Храма назначили и к нему народ на отчитки от нечистой силы потянулся.

– Экзорцизм – великая сила, – шептался меж собой больной люд, – не зря батюшке Симеону изгонять нечисть из тел сам патриарх разрешил. И ведь изгоняет же, даже наведённый рак уходит.

– А красавчик какой, – закатывали в восторге глаза женщины, – чисто серафим! Как прижмёт к себе, дух захватывает.

– Это он так нечисть из вас, дур, выдворяет, – ворчали их мужья, – больно нужны вы архимандриду.

*****

Да, не старился Сергей Красовский, только со временем отдельные пряди серебром украсили его чёрноволосую благородную голову. Бесконечные видео, просмотренные Яной на Ютубе, привели к мысли, что её первая любовь стала ещё красивее.

Сколько раз Яна принимала решение немедленно лететь в столицу, чтобы встретиться с Красовским, сколько раз набирала номер кассы аэропорта, чтобы заказать билет, она не помнит, только кто-то строгий неизменно её останавливал.

– Что-то ты места в последнее время себе не находишь, – как-то вечером удручённо проговорил Павел. – Мало того, что раньше меня Серёжей во сне называла, так сейчас и наяву этим именем величаешь. Влюбилась?

– Наверное, бес вселился, – вяло отозвалась женщина. – В Москве один батюшка экзорцизмом занимается. Пустишь?

– Конечно, пущу, – пожал мощными плечами Паша, – хотя и не верю в существование бесов.

На следующий день полетела Яна навстречу своей несостоявшейся судьбе.

*****

Во дворе Храма было людно, народ угрюмо молчал, лишь скорые шепотки разрывали непроницаемое полотно общего безмолвия.

– Идёт! – внезапно вскричала какая-то прихожанка и бросилась к церковным воротам.

Высокая, стройная фигура в рясе прорезала расступившуюся людскую массу, словно кусок пирога. Архимандрид неуклонно приближался к Яне, и с каждой минутой её сердце всё чаще и чаще отстукивало барабанную дробь.

Толпа заволновалась. Мгновение, и она бросилась за своим кумиром. Кто-то ударил Яну локтем, и женщина чуть не упала, но крепкие мужские руки подняли её и подтолкнули к заветной цели.

Сеанс экзорцизма прошёл как в тумане, после часовой проповеди Серёжа ходил по рядам плачущих прихожан, о чём-то говорил с ними, обнимал и прижимал к себе. Где-то кричали, кто-то свалился на пол и начал судорожно извиваться, из какого-то угла слышалась ругань…. То отбивалась от чудотворных молитв тёмная сила, избравшая своим жилищем человеческое тело.

А Яна смотрела только на Красовского и не могла на него наглядеться. Острое чувство неразделённой любви тысячами иголочек пронзало её насквозь, ноги подкашивались, голова кружилась. И тут пастырь повернулся на её внутренний зов. Их взгляды встретились.

Минута, и Сергей пошёл в её направлении: ближе, ближе, ещё ближе…

– Останься, – шепнул он ей и заспешил дальше, к тем, кто ждал его помощи.

*****

В трапезной стояла тишина, Серёжа сидел напротив и пристально вглядывался в гостью из прошлого.

– Ты стала ещё красивее, – как-то совсем буднично произнёс он.

– Ты тоже, – ответила она. – У тебя есть жена?

– Я монах, – откликнулся Красовский, и было неясно, гордится он этим званием и или нет.

– Значит, всё кончено, – вздохнула женщина. – Я люблю тебя, я до сих пор люблю тебя.

– Если бы я мог, – заволновался Сергей и его изящные руки задрожали. Те самые руки, которые когда-то держали Большую Советскую энциклопедию. – Если бы я мог, я бы женился на тебе, только на тебе…

– Понятно, – с горечью усмехнулась незваная гостья. – Ты принадлежишь Богу. Скажи, зачем прижимаешь к себе этих одержимых? После твоих объятий дамочки начинают надеяться…

– Им плохо, они отчаялись, а я своим поведением показываю, что люблю их и такими: зарёванными, сопливыми, ругающимися матом, – с грустью улыбнулся архимандрид.

– Всех любишь, кроме меня, – всхлипнула женщина и мизинцем дотронулась до запястья Сергея. На белой, почти прозрачной коже пульсировала жилка и по её напряжённой пульсации Яна поняла, что собеседник волнуется.

– Тебе есть, где переночевать? – вспыхнув, убрал руки со стола Сергей.

– Есть, остановилась в гостинице, – отозвалась отверженная и поднялась, чтобы исчезнуть навсегда из жизни праведника.

А когда подходила к двери, услышала, как её позвали.

Словно сомнамбула, она развернулась на зов и почувствовала, как слабая надежда шевельнулась где-то в области сердца.

– Я скоро умру, Яна, – встал из-за стола Сергей. – Излечивая других, я перетягиваю их проблемы на себя.

– Зачем ты это делаешь! – невольно вскричала женщина.

– С самого детства я не принадлежал себе, – медленно промолвил священник и его голос дрогнул. – Я обожал тебя, но ведал, что ты, человеческое дитя, не моя судьба. Моя судьба – служение Господу. Прости. А теперь ступай.

– Серёжа, – заплакала Яна и бросилась на грудь Красовскому, но наткнулась на крест. Именно крест разъединил их, именно он разрушил её счастье. Именно он забирает у неё единственную любовь.

– У меня рак, последняя стадия, – отодвинул от себя подругу юности отец Симеон. – Ступай и не возвращайся!

*****

– Всё хорошо, – соорудив на лице улыбку, сообщила мужу Яна и почувствовала резкую боль в груди. – Мне гораздо лучше.

– Рад за тебя, – поцеловал жену Павел. – Только ты неважно выглядишь.

– Нормально выгляжу, – отмахнулась женщина и обняла подбежавших сыновей.

На следующий день по настоянию супруга Яна сделала кардиограмму и сдала анализы.

– Срочно на больничную койку, – скомандовала кардиолог Ольга Алексеевна. – У вас прединфарктное состояние.

Так Яна оказалась в кардиологической палате, где уже лежали две женщины. Одна из них читала журнал, вторая просматривала новости на ноутбуке.

– Ужас какой, – не обращая внимания на новенькую, внезапно закричала вторая. – Экзорцист Симеон умер, тот, который в Москве людей от нечистой силы избавлял! Сердце остановилось.

– Так быстро, – успела подумать Яна и погрузилась в небытие.

*****

Тоннель был узким и длинным. Где-то впереди виднелось яркое серебристое пятно, оно пружинило, притягивало к себе и отталкивало. Яна скинула шлёпанцы и пошла босиком, наслаждаясь мягким песочком, щекочущим её нежные стопы. Ветер стих, и свежее дыхание весны наполнило помещение. Запахло сиренью и ландышами, так пахли духи Элеоноры Сергеевны.

Конец пути неуклонно приближался, световой проём становился всё больше и больше. Неожиданно полилась тихая мелодия, и высокий, стройный мужской силуэт проявился на ярком перламутровом фоне распахнувшейся в неизвестность двери. Фигура смотрела на новоприбывшую и терпеливо ждала её приближения. Где-то вдали хрустальными колокольчиками зазвонили церковные колокола и Яна, вздрогнув, всё поняла. А ещё она осознала, кто стоит там, в конце тоннеля.

Неизведанное ранее счастье приподняло её невесомое тело и понесло навстречу единственной любви, сильнее которой не может быть ничего.

– Серёжа! – захлёбываясь сладкими слезами, простонала душа. – Серёжа.

Молочно-белый рассвет искрящимся облаком вырисовывался за широкими плечами Красовского, он простирал к ней трепетные лучики и звал в некую таинственную обитель, туда, где она наконец-то будет счастлива, он рисовал ей картину с небольшим домиком, увитым виноградом возле голубого озера, в котором она будет плескаться вместе с возлюбленным.

Сокровенные слова величайшей молитвы божественными струями неожиданно пролились в душу новоприбывшей и проникли в неё, охватывая беспредельной любовью каждую частицу нового, эфирного, тела.

– Отче наш, – прошептала Яна, опускаясь рядом с мечтой и наслаждаясь её ласковым васильковым взглядом. – Иже еси на небесех, да святится имя твоё, да придет Царствие Твоё, да будет воля Твоя……

История одной болезни

От автора: к сожалению, иногда мистические истории бывают реальнее реальных.

Заболела Инна неожиданно. Утром, после вчерашнего посещения кладбища, проснулась от сильной боли в правой руке, в той руке, которой убирала чужую могилку. Тогда муж побрёл вглубь квартала мёртвых, чтобы найти место захоронения бабушки, оставив жену одну. Инна покрутила головой по сторонам, увидела пушистого серого кота, деловито обнюхивающего чью-то оградку, летающую стаю орущих ворон, почувствовала пристальный взгляд из ниоткуда, опустила глаза к ногам и вздрогнула – на поржавевшем металлическом памятнике с чёрно-белого фото на неё внимательно смотрела старушка в платочке, а перед старушкой кучей валялся всевозможный кладбищенский мусор. Вот тогда женщина и услышала этот начальственный голос, распорядившийся незамедлительно браться за работу. Он был глухой, будто пробивался из-под земли, и он принадлежал мужчине.

В этот день странности настойчиво преследовали Инну. Во-первых, властный приказ невидимки, во-вторых, гипнотизирующий жертву огромный жирный кот, остановившийся недалеко от неё, в третьих, внезапно выросший до двух метров мраморный памятник папиной мамы, хотя Инна отлично помнила, что он был в два раза ниже. Снимок бабушки тоже поразил, на нём она значительно помолодела, лёгкая улыбка играла на пухлых губках, в серых глазах плясали искринки.

– Что-нибудь понимаешь? – оторопело поинтересовался у жены Вадим.

– Ты про памятник? – поморщилась она. – Заменить его некому, все родственники тут же покоятся.

И тоскливо огляделась по сторонам. Так получилось, что на попечении их семьи оказалось четырнадцать покойников: восемь здесь и шесть в другом городе. Так получилось.

*****

Рука ныла, дёргающая боль пронизывала насквозь, но Инну больше беспокоил вчерашний день с выросшим в два раза памятником папиной мамы. Что это было? Галлюцинация? Колдовство? Вмешательство потусторонних сил?

– Немедленно отправляйся к врачу, – велел муж и отвернулся, чтобы скрыть смущение. Он тоже ничего не понимал.

И началось хождение по мукам. Хирург отослал больную к ортопеду, ортопед предложил вколоть в сустав гормональный препарат, от которого Инна отказалась – ещё мама наставляла её, чтобы не связывалась с гормонами, а мама была терапевтом. Рентгенограмма ничего не выявила, а потому медики выпроводили пациентку, прописав той ядовитые анальгетики и бесполезные обезболивающие мази. К болям присоединилась сильная, валящая с ног слабость, а к ней пристроилась тахикардия, перешедшая в мерцательную аритмию. Казалось, у Инны не осталось ни одного здорового органа, но врачи ничего не находили, и она стала готовиться к смерти.

– Кот, говоришь? Выросший памятник? Постоянно прячущаяся покойница? Значит, именно в этом секторе проживает хозяин кладбища, который заставил взять чью-то болезнь на себя, – как-то высказалась семидесятилетняя соседка Мария Андреевна. – Возможно, пожалел кого-то. Или его подкупили.

– А меня не пожалел, – всхлипнула умирающая.

– Или чёрная магия, – минуя паузу, выдохнула тётя Маша. – Порою колдуньи принуждают загробное ведомство к сотрудничеству. В церковь надо.

Церковь помочь не смогла, в мучениях прошёл год, женщина уже еле ходила, но в одну из суббот настояла на посещении здешнего погоста – надо было проститься с родными захоронениями.

– Осилишь? – удивился муж и прикусил язык, увидев слёзы на щеках любимой.

– Осилю, – мотнула головой она.

И вновь кладбище. И вновь в последнюю очередь они отправляются искать папину маму. Вернее, отправляется Вадим, а Инна, приблизившись к нужному сектору, останавливается, чтобы отдышаться. И снова голос, тот самый, властный и глухой. Голос куда-то приглашает, и от этого приглашения начинает сжиматься сердце. Кот, серый и жирный, подкрадывается к ногам пришелицы из мира живых и прижимается, чтобы потереться о них. Она трусливо отдёргивает ступню и опускает взгляд в поисках могилки, которую убирала когда-то. Её нет. И тогда, не в силах устоять перед искушением, медленно разворачивается на непрекращающийся зов.

Чёрный гранит проявился сразу, будто возник из воздуха. Глаза на граните, как два кинжала, больно проткнули двумя стылыми энергетическими потоками, это были мужские глаза. Они требовали заговорить с их властным владельцем. Растерявшись, Инна зачем-то полезла в сумочку, нащупала там горсть карамелек, вытащила их и опустила на деревянный столик перед оградкой, за ними последовала тысячная купюра.

– Поняла, ты и есть хозяин кладбища, – жалобно произнесла умирающая. – Не отпирайся, пожалуйста. Купи себе водки, а я жить хочу! Понимаешь, я жить хочу! У меня дети, внуки, муж! Отправь чужие хвори назад!

И она заплакала. Сначала тихо, с подвываниями, затем бурные рыдания начали сотрясать худенькое тело несчастной. Казалось, всё вокруг застыло, ошеломлено прислушиваясь к человеческим воплям; метнулось за набежавшую тучу растерявшееся солнце, и фотографии усопших повернули потрясенные лица в сторону намечающейся жертвы. Даже вороны замерли в полёте, и тогда мужские глаза потеплели, в них мелькнуло сожаление, сочувствие, понимание.

– Иди с Богом, – прошелестело где-то рядом. – А деньги мне здесь не нужны.

– Дорогая! – неожиданно раздался обеспокоенный голос мужа. – Я бабушку нашёл. А ты чего плачешь?

– Иду, иду, – вытерев слёзы тыльной стороной ладони, отозвалась Инна и, кинув прощальный взгляд на Хозяина, поспешила на встречу с папиной мамой.

Памятник Клавдии Ивановны за год будто осел, скорбное выражение лица окаменело на чёрно-белом снимке. Возле оградки истуканом высился Вадим, во всём его облике сквозил ужас.

– Я жить хочу, – опустившись на колени, словно заклинание, повторила умирающая и тонко завыла, призывая небеса в свидетели. – Помоги, защити меня!

– Ничего себе! – неожиданно присвистнул Вадим. – У неё слёзы на глазах!

– Девочка моя, – услышала Инна дрогнувший знакомый, родной голос бабули, – девочка моя, я попрошу, обязательно попрошу. А теперь ступай…. Постой! В могиле моего сына, твоего отца, зарыта сожжённая вещь, она когда-то принадлежала тебе. Поезжай, и пока не истлела, выкопай её.

*****

На следующее утро Инна проснулась абсолютно здоровой, захотелось есть. Ничему не удивляясь, она встала, поставила на конфорку чайник, сделала бутерброды с колбасой и, не дожидаясь чая, стала жадно их поглощать. В голове крутились мысли о вчерашнем дне,

но лидирующей среди них являлась мысль о сожжённом и закопанном в могилку неизвестном предмете. Кто осквернил захоронение, она догадывалась, но верилось в такую подлость со стороны родственницы с трудом. Тем не менее, факт оставался фактом, и в следующий выходной они с мужем поедут на погост соседнего города.

В изумительном здравии женщина дождалась субботы, а когда после долгой дороги ступила на заросшую репьём кладбищенскую землю, сразу же поспешила к отцу. За ней последовал Вадим. Секция следовала за секцией, но Инниного папы нигде не было.

– Это невероятно, – не уставал повторять мужчина и раздражённо отдирал от одежды липучие колючки, – мистика какая-то.

А однажды, когда муж убежал вперёд, Инна вновь почувствовала на себе чей-то внимательный взгляд. Резко обернувшись, она узнала глаза, испытывающе наблюдающие за ней с чёрной гранитной плиты.

«Этого не может быть, – вихрем пронеслось в голове. – Он остался в моём городе».

– Почему не может быть? – удивился усопший и его глухой голос дрогнул. – На неделе вы общались с моим братом-близнецом.

– Вероятно, вы тоже хозяин кладбища? – осторожно осведомилась женщина и прислушалась к себе. Страх улетучился.

– Тоже, – подтвердил незнакомец.

И тогда гостья из мира живых, не раздумывая, воткнула половину принесённого букета в могильный цветник, принадлежащий Хозяину. Казалось, мертвец улыбнулся, но его цепкие зрачки продолжали пронизывать окружающее пространство мёрзлой энергией.

– Помогите, пожалуйста, найти папу, – поёжившись, жалобно попросила Инна и поискала взглядом супруга. Он сновал между рядами заросших репейником захоронений и, раздвигая сорняки, вглядывался в лица покойников. – Меня хотят испортить, а я так хочу жить и быть счастливой.

– Пройди дальше, – наконец, смягчился усопший, и ласковое тепло проникло в душу пришелицы. – Ноги сами приведут тебя к нему.

Через минуту женщина уже звала мужа, а на дочь с щемящей тоской смотрела сброшенная со стелы фотография её любимого отца. В углу оградки валялись полуторалитровые пластиковые бутылки из-под газированной воды, а под ними, из земли, выглядывал лоскут красной материи. Потянув за этот лоскут, Инна выудила из тайника прожжённые местами трусики. По всей вероятности, ритуал чёрной магии был проведён месяца два назад, так как они истлеть не успели.

– Отнесу на помойку, – выхватив трофей из трясущихся пальцев жены, скривился Вадим.

– Отнеси, – заплакала женщина и, наконец, ощутила невероятную лёгкость в душе и теле.

– Скоро та, что заказала тебя, получит обратный удар, пусть готовится, я сам встречу её, – вдруг послышался знакомый глухой голос Хозяина.

Инна оглянулась. На соседней стеле пристроилась крупная чёрная ворона. Кося любопытным глазом, она размеренно подолбила клювом белый мрамор и взмыла вверх. Неожиданно кто-то мягкий и тёплый, громко урча, потерся о ноги, это был огромный серый кот. И тут низкие свинцовые облака внезапно разорвало торжествующее солнце.

Параллели

Беременна! Этого Валентина не ожидала, хотя почему бы и нет, ведь они месяц назад сыграли с Валеркой Афанасьевым свадьбу. Выйти замуж не напасть, кабы замужем не пропасть. Вот она и пропала, послушалась мать. Очень уж хотела Алевтина Родионовна Карпова дочь выгодно пристроить, пристроила. Отец у Валерки директор завода, мать – завуч в школе, семья интеллигентная, обеспеченная. Валечке всего-то восемнадцать годков, не видела ничего, да мама побоялась, что спутается доченька с голодранцем, а голодранца сорокалетняя Алевтина Родионовна не потерпит, стыдно перед людьми будет. Её солнышко достойно богатства и процветания, ведь красавица писаная.

Муж Карповой недавно умер. Если не считать свекрови, остались они с дочкой одни-одинёшеньки. Что не любит Валюшка Валерия, по Алиному мнению, ерунда: стерпится – слюбится, сама Аркашку не любила.

Не стерпелось, не смогла непослушная девчонка ласки законного супруга терпеть, убежала от него в опустевший без Аркадия дом. Говорит, аборт сделаю.

– Не сделаешь, – заупрямилась Алевтина. – К мужу вернёшься, вон под окнами стоит, ждёт, когда образумишься.

– Ну и пусть стоит, – фыркнула негодница, а когда мать ушла на свою кондитерскую фабрику, налила полную ванну горячей воды и погрузилась в неё, стараясь вызвать кровотечение. Ранее и с шифоньера она прыгала, и тяжести поднимала, и аспирин пила…. ничего не помогло.

«Ещё бабушка по телефону свою линию гнёт, – думала, обливаясь потом, Валюшка, – греховны эти аборты, говорит, на том свете отвечать придётся».

Ванна результата не принесла, и шевельнулась в душе молодой женщины ненависть к будущему ребёнку.

Вечером мать пришла с работы сама не своя, засмеяли сотрудницы. «И что, – перемигивались и хихикали они, – лучше твоя красотуля наших дочек»? Легла Алевтина в постель и к стене отвернулась. Ходила возле неё Валя, ходила. А потом и сама на диване приткнулась. И тогда тяжёлый сон, как комара, прихлопнул её эфирной ладонью.

*****

Утром зазвонил будильник, и Валентина вспомнила о своём незавидном положении. Жить не хотелось, хотелось выброситься из окна.

– Только рожать! – прошептала мать, видно, уже давно лежала без сна.

К Валерке Валечка так и не вернулась, по настоянию мамы и бабушки произвела на свет сына, как две капли воды похожего на своего отца. Приехали Афанасьевы в роддом, хотела родильница внука бабке с дедкой отдать, но Алевтина не позволила.

– Сами будем воспитывать, – проворчала она. – Папочка тебе алименты платить станет.

– Обязательно помогать будем, – вставила веское слово несостоявшаяся свекровь.

А Валерка смотрел на бывшую жену и, казалось, облизывался. Тогда вспомнила Валя его слюнявые поцелуи, и её затошнило. А ещё секс вспомнила, гаже ничего на свете она не испытывала.

Мальчика назвали Аркадием, в честь умершего деда. Алевтина души в Аркашке не чаяла, только молодая мать морщилась, когда кормить его собиралась – смотрела на пухлые губы малютки и губастого Валерку вспоминала.

Жизнь померкла. Валя всё больше и больше с ужасом понимала, что сопящий в кроватке малыш вызывает у неё неприязнь. А однажды вытащила её на танцы во Дворец Культуры

подруга Тоня. Громкая музыка оглушила Валюшку, она оглянулась по сторонам и встретилась глазами с Никитой Елисеевым. Красив, как бог, Никита – черноокий, мускулистый. Засмотрелась девушка на него, да и он кареглазую красавицу приметил, подошёл пригласить на вальс, а затем и к себе в гости позвал, чтобы познакомить с родителями и братьями-близнецами. После пяти месяцев встреч потеряла голову Валечка, переспала с парнем.

– Молод ещё, чтобы жениться, – заявил Елисеев, – и мама против женщины с ребёнком. Делай аборт.

– Не сделаю, – заупрямилась Валентина, – рожать буду.

А сама подумала, что это дитя будет самым красивым и самым любимым, а ещё оно свяжет навеки её с избранником.

– Тогда пеняй на себя, – огрызнулся Никита. – Моё дело маленькое, не хочу чужого пацана растить.

– У меня врач знакомая, – узнав о решении дочери, стала умолять её Алевтина Родионовна. – Пусть папашка операцию оплатит, а я уж обо всём договорюсь.

И тогда Валя стала сомневаться в принятом решении. Сомневалась до тех пор, пока из деревни бабушка не приехала.

– Аборт – грех, – вновь возмутилась Анастасия Антоновна. – Пущай рожает, воспитаем.

– Надо мной и так смеются, – заплакала Алевтина.

– Рожу ребёночка, вернётся ко мне Никита, – заявила Валя, – Вот и бабуля поддерживает.

Через семь месяцев произвела Валентина на свет двойню – Максима и Марата.

И тут даже бабушка запаниковала.

– Девчоночку бы, – жаловалась она подругам, – да одну. А туточки три охламона в три горла кричат. Как поднимать будем, ведь у внучки и образования-то нет?

Никита так к Вале и не вернулся, а она потеряла связь с окружающим миром, затворилась с детьми в квартире. Аркашке только два года, а новорожденные орут ночами, спать не дают. Тут-то и вспомнила молодая женщина о Валерке, на поклон бы к нему пойти, да женился Афанасьев, неприметную девушку в жёны взял.

Тут и мама заболела. Всё чаще она брала больничные, а потом и вовсе в стационар легла – сердце.

– Не могу помочь тебе, – заплакала бабушка, когда ей Валя позвонила. – Хвораю сильно. Видно, Бог прибрать хочет.

Не стало Анастасии Антоновны ровно через полгода после разговора, а ещё через полгода и Алевтины не стало – инфаркт.

И осталась Валентина одна с тремя мальчишками на руках.

– Я же тебе говорил, чтобы аборт сделала, – начал кипятиться Никита, когда Валечка попросила о помощи. – Расхлёбывай проблему сама, я мало зарабатываю. Ну, немного помогу, конечно, заначка от жены имеется. Только ей ни-ни!

Время шло, Валя трудилась на трёх работах, мыла полы в коридорах жилых домов, сторожила четыре раза в неделю школу да иногда нянчилась на дому с ребёнком соседки.

Валерий регулярно присылал ей алименты, так что семья кое-как сводила концы с концами.

Красота Валечки померкла, руки огрубели. Её не узнавали на улице бывшие одноклассники.

А когда дети подросли, попал Аркашка в плохую компанию. Наркоманом стал.

– Что ты делаешь? – узнав об его пристрастии, заплакала женщина. – Одни убытки от тебя!

– Не любила ты меня никогда, – отмахнулся от Валентины юноша. – Семнадцать мне уже, сам решать буду, как дальше жить.

– И мы сами будем решать, – поддакнули сзади пятнадцатилетние Максим и Марат.– Мам, ну скажи, зачем ты нас родила? Для того, чтобы несчастными сделать? Смотри, как живут наши ровесники: у них и машины есть, и дачи, и приличные прикиды, и айфоны… А у нас….

И мальчишки отвернулись, давая понять, что оправданий матери не приемлют.

– Жизнь не удалась, – зарыдала тогда женщина и вышла во двор, чтобы уйти от ужаса бесконечных будней, куда глаза глядят.

*****

Утром зазвонил будильник, Валентина с трудом открыла глаза и вспомнила, что беременна.

– Дитя оставишь, – прошептала Алевтина Родионовна и повернулась к расплакавшейся дочери.

– А это уже моё дело, – сквозь зубы процедила Валюшка. – Не вам с бабушкой мои дела решать.

К Валерию возвращаться Валя не стала, вопреки уговорам матери сделала аборт, как не стращала её гинеколог бездетностью.

– Я не люблю этого ребёнка! – оборвала перед операцией врача молодая женщина. – Он всегда будет чувствовать мою нелюбовь.

– Полюбишь, когда родишь, – пообещала докторша.

– Ни за что, – помотала головой Валя.

– Как скажете, – обиделась та. – Ложитесь!

Вернись к Валерику, – плакала вечером мать, когда дочь укладывала в сумку халат и тапочки, – он ждёт тебя, и свекровь со свёкром ждут. Не теряй малыша!

– Нет, – категорически заявила дочь.

На следующий день после аборта появилась надежда на будущее. А через неделю Валентина по настоянию подруги пошла на танцы в местный Дворец Культуры и там встретила Никиту. Красивый парень покорил её сердце, не смогла устоять перед ним девушка, а когда снова забеременела, решила открыться Елиссеву.

Ещё вчера вспоминала она влюблённого Валерку и надеялась на то, что Никитка, оценив подарок судьбы, поднимет её на руки и торжествующе закричит:

– У нас будет ребёнок!

Но получилось совсем не так.

– Ты девушка красивая, – минуя паузу, выдавил из себя будущий папаша. – И мама не против тебя, только я ещё молод. Погулять хочу.

И отвернулся к расхохотавшимся девчонкам.

Валя проплакала всю ночь, а утром объявила матери о своём решении.

– Вот и правильно, – облегчённо вздохнула Алевтина Родионовна – От Валеры не стала рожать, а от этого голодранца и вовсе не надо.

– Как же правильно! – возмутилась Анастасия Антоновна. – Грех это – детей убивать, перед богом отвечать будешь!

– Отвечу, – насупилась внучка и вновь направилась к гинекологу. Через две недели дело было сделано, у неё оказалась двойня.

– Если ещё раз попадётесь, на этот раз уж точно останетесь бесплодной, – заверил Валечку хирург и осуждающе покачал головой.

– Поезжай-ка ты лучше в Москву, доченька, – в выходной попросила Валентину мать, – в институт поступай, с золотой медалью же школу окончила.

И Валя уехала. Поступила сразу, а на четвёртом курсе встретила свою судьбу – Анатолия Рубинштейна, сына декана медицинского вуза.

Поженились с родительского благословения молодые, двоих детей родили, а затем Толик собственную клинику открыл. Через полгода после рождения малюток Алевтина Родионовна на постоянное место жительства к ним приехала, тоже замуж вышла, а ещё через полгода Анастасия Антоновна пожаловала, чтобы внучке помогать ребятню растить.

Девочки – погодки у Рубинштейнов красавицами и умницами выросли, в вузы поступили, замуж удачно вышли.

– Жизнь удалась, – как-то вечером, глядя в далёкие небеса, проговорила Валечка и заплакала, прося прощения у Бога.

*****

– Я беременна, – объявила матери Валентина и в упор поглядела на неё, ожидая ответа.

Перед глазами стоял Валерка Афанасьев. На его губах пузырилась слюна.

Любовь или шашлыки

– Как же хочется вернуться в детство, – вздохнула Беата, и её пухлые губки задрожали. – Соскучилась по мороженому, конфетам, сливочному варенью. Знаешь, я очень любила сливочное варенье, которое готовила мама.

– Наверное, сливовое, – поправил очаровательную блондинку черноволосый юноша с правильными чертам лица, сидящий рядом с нею на скамейке в цветущем яблоневом саду.

– Ах да, сливовое. Мама начиняла каждую ягоду грецким орехом, – девушка причмокнула и зажмурилась. – До чего же вкусно было! А когда вырасту, чтобы в меня влюблялись все парни.

– Тебе мало меня? – удивился юноша и поцеловал изящную ручку подруги.

– Но у нас с тобой нет секса, – поморщилась мечтательница.

– Хочешь секса со всеми, кто положит на тебя глаз? – поднял брови прелестный собеседник.

– Не придирайся, Ариэль, – передёрнула плечиками красавица. – Я выйду замуж за богатого иностранца и буду путешествовать с ним по миру, чтобы ходить по ресторанам.

– Дались тебе рестораны, – вздохнул юноша. – А путешествовать и здесь можно.

– Неужели тебе не хочется обыкновенного шашлыка? – удивилась Беата. – Бывало, вонзишь зубы в сочное, ароматное мясо и застынешь от восторга…. И вино! Я так давно не пила вина!

– Цветы пахнут лучше любой пищи, – нахмурился Ариэль, но спустя минуту улыбнулся и закружил девушку в зазвучавшем внезапно вальсе. – Ради шашлыков и варенья возвращаться назад глупо, ты вспомни, что там было!

– И вспоминать не хочу, – фыркнула упрямица. – Не могу долго находиться на одном месте, мне надо постоянно что-то в своей жизни менять.

– Так меняй, давай переедем к морю, – юноша волновался. – Здесь не стареют, не болеют, здесь нет войн, здесь нет злобы.

– Сплошная любовь, – расхохоталась плясунья. – Сплошные ангелы, архангелы, святые и праведники…. Скучно! Знаешь, я уже облюбовала одно место. И мне двенадцать недель.

– Не может быть! – вскричал Ариэль и опустил партнёршу на газон.

– Вика очень обрадовалась, и Миша обрадовался, я же у них первая, – изрекла Беата и неожиданно поняла, что отправится на землю без своего верного друга. Эта мысль занозой засела в её сердечке, но девушка усилием воли выдернула её оттуда. Стало легче. – А ты собирайся со мной, Мишина сестра замуж вышла, ребёночка зачать хотят.

– Ну, уж нет, – холодно произнёс парень. – Заново барахтаться в животе и слушать, как желудок и кишечник переваривают еду? А после рождения стареть, чтобы снова умереть? Ни за что!

– Тогда улетай, – поджала губки красавица, – а я сегодня ночью спускаюсь вниз.

И она отвернулась, показывая воздыхателю, что разговор окончен.

*****

Журчала вода, лежать, свернувшись калачиком, было неудобно, но на помощь приходил сон. Бесконечный сладкий сон, в котором она, Беата, рыбкой плавала в глубоком озере. Время от времени её покой нарушал чей-то голос, и тогда окружающая жидкость начинала мелко вибрировать. Если голос сердился, капельки влаги превращались в остроконечные льдинки и больно ранили кожу, если радовался, льдинки таяли и начинали ласкать крохотное тельце.

Иногда извне доносилась музыка, которая заставляла либо дёргаться от грохочущих басов, либо млеть от счастья в лучах нежных классических мелодий.

А наутро Вика пошла на УЗИ. Яркая вспышка пронзила эмбрион насквозь, и он зажмурился, сердце исступленно застучало, началось удушье.

«Вы же меня убьёте»! – хотела закричать кроха, но наглоталась околоплодных вод и обречённо затихла.

– У вас девочка, поздравляю, – сообщил кто-то будущей маме.

– Машка! – обрадовалась Вика и погладила свой живот. Тепло её руки проникло внутрь, удушье отпустило.

«Какая такая Машка»? – удивилась Беата.

Менять своё имя не хотелось категорически: в прошлой жизни Марией звалась её злобная свекровь, и не было для невестки ненавистнее никого на свете. И тут, как ножом, полоснула мысль, что Машка может родиться уродиной, ведь не всегда у красивой пары рождаются красивые дети.

«Как же я не проследила родовые древа с обеих сторон», – задумалась кроха и засеменила ножками.

– Спасибо, – послышалось издалека.

Живот поднялся, равномерная приятная тряска напомнила поездки в поезде. Вновь захотелось спать. Плод открыл рот, чтобы зевнуть, хлебнул кисло-солёной водички и закашлялся. В горле запершило, захотелось чихнуть.

– Вот это ливень! – спать не дали. За Беату чихнула её будущая мамаша. – Ой, ноги промочила!

– Ну и лето нынче, – а это уже Миша. – Синоптики предсказывают, что в этом году тепла не будет вообще.

– Лишь бы дождей не было, – вздохнула Вика. – Надоели, каждый день льют.

– Так что на УЗИ сказали? – наконец, поинтересовался Михаил.

– Сказали, что девочка будет,

– Девочка, так девочка, – не проявил особой радости Мишка. – Сына, конечно, хотелось бы.

«Сына тебе подавай, – передёрнулась Беата. – А я не хочу быть мальчишкой! К тому же, при ранней реинкарнации не забывается предыдущий пол и человек начинает страдать от нетрадиционной сексуальной ориентации. Брррр».

На душе стало муторно. Вспомнились райские сады и нежный Ариэль. Он обещал ждать её вечно. Так сколько же лет придётся коптить здешнее небо из-за секса и шашлыков: шестьдесят, семьдесят, восемьдесят?

*****

К вечеру Беата крепко заснула, но сон прервал включенный телевизор. Громкий мужской голос утробно вещал политические новости. Разбуженная, она попыталась зажать уши, не получилось. Америка, Украина, Сирия, ещё раз Америка, Украина. Порошенко, Трамп, Путин, снова Порошенко. Одна и та же песня, и как её слушают живущие на земле люди? Не надоело?

– Над Средиземным морем упал пассажирский самолёт, – провозгласил ведущий, и было неясно, радуется он этому факту или огорчается.

– Вчера крупная автокатастрофа произошла, – жалобно проговорила Вика. – И позавчера произошла.

– Ты ещё про террористические акты вспомни, – посоветовал жене Миша.

– Человечество вымирает, – всхлипнула молодая женщина. – Что ни день, то какое-то ужасное происшествие.

– Общество, построенное на несправедливости, обречено! – торжественно объявил глава семейства.

– Слушай, а мы сможем в таких условиях дать счастливую жизнь Машеньке? – Вика начала нервничать.

– Да уж, – замялся Михаил. – Вчера Серёгу из-за оптимизации сократили, а на днях Витька потерял работу – у банка лицензию отобрали. Жёны в декретных отпусках. На что семьи жить будут?

– А если и тебя сократят? – печально поинтересовалась Вика. – Продукты дорожают с каждым днём, да и ЖКХ за ними торопится. К тому же, такая страшная политическая обстановка в мире…

– И медицина страшная, – добавил мужчина. – А у меня мама болеет, материально поддерживать надо.

Беата вздрогнула и снова вспомнила Ариэля и безопасный, счастливый Рай.

Когда-то, в прошлом воплощении, она жила в великом и могучем государстве, которое заботилось о своих гражданах. Сейчас ситуация изменилась. Кардинально изменилась. Неуверенность в завтрашнем дне после болезней – самое жуткое, что может познать человек. Так стоит ли рождаться, чтобы изо дня в день испытывать унижение бедностью и бесправием?

– Выключай телевизор, – послышался Викин голос, – спать пора. Мне завтра в полседьмого вставать, чтобы не опоздать на работу, иначе начальница снова поедом есть будет. Что за жизнь такая!

Живот затрясло – женщина пошла в ванную. Затрясло и Беату. Минуту поразмышляв, она выпорхнула из крохотного тельца плода, чтобы покинуть его навсегда. Там, за облаками, любимую с нетерпением ждал нежный Ариэль.

«Мне это надо? – паря над поблекшей землёй, думала душа. – Секс, шашлыки, мороженое – такая чепуха по сравнению с любовью».

Почему они нас не любят

Маргарита подошла к зеркалу и вгляделась в своё отражение – седая, совсем седая, лохмы в разные стороны, а она не может их расчесать. Проведёт пальцами по голове, но волосы как торчали, так и торчат. И расчёску взять не получается, руки не слушаются.

А глаза пустые-пустые, никакого выражения, будто налиты оловом. Почему именно оловом, она не знает, просто это выражение как нельзя точнее подходит к её настроению, которое хуже некуда.

Сегодня в её дом приехали чужие. Они были не просто чужие, они были не такими как она, то есть, шумными и суматошными. Похожая на неуклюжего медведя девчонка лет двенадцати сразу уселась за её рояль и стала бренькать на нём чёрт знает что типа «чижика-пыжика». Мальчишка, чуть младше, прискакал в Ритину спальню, где она как раз дремала и вспоминала своё детство с молодостью, которые прошли здесь.

Когда-то она купалась в счастье, у неё были муж и дети. Сначала утонул в лесном пруду муж, за ним от клещевого энцефалита умер старший сын Олег, а потом и младший Денис попал под машину. Больше она их не видела никогда. Сколько тогда ей было? Сорок лет, всего сорок лет!

Рита покосилась на малолетнего негодника, нарушившего её покой, и отвернулась к стене, а сама подумала, что обязательно им отомстит. Как она будет мстить, женщина не знала. Пока не знала.

Будто почувствовав угрозу, скакун удалился, на лестнице послышался стук каблуков, удаляющихся вниз по ступенькам.

Ощутив запах готовящегося супа, Марго пробудилась от многолетней апатии. Неожиданно засосало под ложечкой, и она сглотнула слюну. Пахло свиной тушёнкой и варёной капустой.

«Щи, – догадалась она. – А что если попросить налить и ей тарелочку»?

Почему бы и нет? Рита встала и последовала в кухню-столовую. Бородатый мужчина средних лет сидел на диване и читал газету, миловидная светловолосая дама топталась возле плиты.

– Сначала заправимся, а потом будем убираться, – пробуя суп на достаточное наличие соли и специй, распорядилась блондинка.

– Как скажешь, Валюша, – отлип от газеты мужчина. – Нам повезло. Где ещё найдешь за такие смешные деньги подобное двухэтажное великолепие с двадцатью сотками в придачу?

– Племянница бывшей хозяйки берегла его для своей малолетней дочери, да раздумала, – Валентина положила половник, расставила на уже вымытом столе Ритины тарелки из сервиза, подаренного свекровью им на свадьбу, и крикнула:

– Лиза, Тарас, обедать!

Проводив именную посуду негодующим взглядом, Маргарита обрушилась в кресло-качалку и замерла. Её, как всегда, не замечают, будто её не существует.

– Витька, а ты что руки не моешь? – обратилась женщина к мужу.

– Сейчас-сейчас, – вздрогнул бородач и бросился в санузел. Оттуда послышался плеск воды.

«С каким удовольствием приняла бы душ», – опечалилась Марго и вспомнила былые времена, когда она, красивая и молодая, по вечерам отлёживалась в пенной ванне.

Прибежали дети, гадкая толстая Лизка схватила кусок пирога с мясом и, чавкая, стала запивать его супом, тощий Тарас бухнулся на стул и заныл.

– Не хочу щей, – нудно заканючил он. – Пирожного хочу!

«Здесь есть и пирожные! – уразумела Маргарита. – Ну, уж от пирожных я не отступлюсь, пусть даже придётся ради них выселить из своего дома всю эту громкоголосую ораву».

– Смотрите, кресло качается! – перестав хныкать, внезапно кивнул в сторону Риты мальчишка.

– Сквозняк, – нервно хихикнула Валентина и поставила перед мужем полную тарелку восхитительного варева. – Налетайте, я счас компота налью.

Семья принялась обедать. Облизнувшись, Маргарита подплыла к свободному стулу и неслышно опустилась на него. Руки, как всегда, не слушались, но, сделав несколько попыток, она всё же взяла со стола Валину ложку и сунула её в Валин суп.

«Ничего себе! – не веря в свою удачу, ахнула Рита. – Наконец-то! Если долго мучиться, что-нибудь получится – так когда-то пела Алла Пугачёва».

– Мамочка! – завопила Лизка и круглыми глазами уставилась на дымящиеся щи со сметаной, предназначенные матери. – Мамочка, ложка сама двигается!

– Во даёт! – вскакивая, восхитился Тарас. – Клёвый ролик для Ютуба будет. Щас за смартиком сбегаю!

И он помчался на второй этаж, где облюбовал себе комнату.

– Полтергейст, – сделал каменное лицо Виктор. – Кажется, я кое-что начинаю понимать.

Над ухом голодной Маргариты, с аппетитом уплетающей дармовые харчи, неожиданно исступленно взвизгнули.

– Поэтому этот дом так дёшево стоил! – налившись свекольной краской, закричала ставшая вдруг некрасивой прежде эффектная блондинка, – Витя, мне плохо!

– Маме плохо! – засуетился бородач. – Лиза, Тарас, немедленно принесите воды!

– Щас токо сниму, – появился на лестнице взъерошенный мальчишка. В его руках красовалось незнакомое Маргарите устройство, которое малолетний преступник наставил на стол. В устройстве загорелась лампочка.

«Убить хотят, – усмехнулась Марго и поднесла ложку ко рту, – теперь уже не убьёшь».

– Класс! – подпрыгнув, возликовала Лизка. – Я за айфоном!

– Не за айфоном, а за мной! – отец семейства, подхватив на руки беспамятную жену, побежал в сад. За ними неохотно потрусили отпрыски.

«Ну, и убирайтесь, мне больше достанется», – со злорадством подумала Марго и проводила торжествующим взглядом удаляющихся квартирантов.

В холодильнике наверняка находились пирожные, и преграды к ним не было.

Опустошив тарелку, Марго встала и, довольная, побрела к мирно урчащему агрегату, который они с мужем купили годков эдак десять назад. Дернув несколько раз металлическую ручку, она осознала, что без посторонней помощи не обойтись. Для того чтобы попробовать лакомство, о котором мечтала много лет, нужны были люди. Вернее, их сильные руки.

Чертыхнувшись, Марго поплелась за перепуганной семейкой. Взрослые сидели на лавочке под берёзой. Валя ревела в три ручья, Витя её утешал. Дети, как ни в чём не бывало, с интересом рассматривали незнакомое устройство, принесённое Тарасом со второго этажа.

– Клёво! Заснял! – ликовал мальчишка.

– И селфи не надо делать, и так прославишься, – поддакивала ему сестра. – Интересно, скоко лайков соберёшь?

– Последние деньги истратили, – жаловалась Валя мужу и притихшему саду. – Нам сейчас даже ехать некуда и не на что!

В душе Риты шевельнулся червячок сострадания.

– Ну, и не езжайте, вместе жить будем, – присев рядышком, шепнула она супругам, хотя намеревалась громко попросить. – Откройте, пожалуйста, холодильник!

– Не хотел тебе говорить, да придётся, только ребятишкам ни-ни, – игнорируя соседку по скамейке, Витька сделал загадочное лицо. – Здесь семь лет назад после того как погибла её семья, повесилась сорокалетняя хозяйка дома.

– И ты молчал! – взвыла женщина и стала дробно стучать по широкой груди мужчины костлявыми кулачками.

– Не верил я в призраки, – покаялся Виктор и прижал к груди трясущуюся голову жены. – Вызовем батюшку, и дело с концом. Или лучше экстрасенса.

– Батюшку! – прекратила плакать Валентина, и минуту подумав, выдала. – И экстрасенса.

– Ироды! – поперхнулась Маргарита, и настоящие слёзы заструились по её бледным щекам. – Надо было сидеть тихо – мирно и не высовываться. И чего нас живые не любят, ведь сами когда-то такими же будут? Вот и Валентина не гарантирована от потери близких и умопомешательства, благодаря которому она, Марго, переступила черту, а потому её оставили на Земле.

Всхлипывая, привидение побрело в свою комнату, а там легло в постель и разрыдалось. Очень хотелось пирожных. И очень хотелось с кем-нибудь поговорить, поиграть с детьми в прятки, вместе с женщиной приготовить любимые круассаны из слоёного теста и обсудить политику с мужчиной. От знакомых фантомов слышала, что скоро будет третья мировая война. Неужели будет?

Наплакавшись, Марго заснула.

Проснулась от шума в доме. Внизу что-то выкрикивали, но слов она разобрать не смогла, а потому вышла в коридор и свесилась через перила.

В окна бил утренний свет, по гостиной расхаживал добродушный батюшка и, скороговоркой читая длинную молитву, размахивал дымящимся кадилом. На диване пристроился незнакомый мужик, скорее всего, экстрасенс, и ждал своей очереди. Семейка столпилась возле стола и наблюдала за священнодействием.

– Вот и всё! – поняла Маргарита и долгим прощальным взглядом окинула свой любимый дом, с которым ей предстоит навсегда расстаться. Куда её заведёт судьба, она не знала.

Когда опадают листья

Узкая дорожка, поросшая сухой колючей травой, тянулась вдоль оград вглубь кладбища. Памятники, большей частью из мраморной крошки, серыми прямоугольниками торчали из холмиков, украшенных выгоревшими на солнце искусственными цветами. Фотографии усопших с любопытством наблюдали за ещё живыми пришельцами. Поживите, мол, пока, недолго и вам осталось.

Катерина лавировала между препятствиями, чтобы успеть за уверенно шагающим впереди мужем. Всё бы ничего, да репей крохотными ёжиками цеплялся за юбку, которую она непредусмотрительно надела утром. Торопилась. Полы юбки от колючек слипались и мешали движению, приходилось останавливаться и терпеливо отрывать от материи клейкие корзинки лопуха.

Кладбище жило своей автономной жизнью. Гортанно перекликаясь, в поисках пищи группками перелетали с места на место вороны, под ногами юркали ящерки, пищали над ушами дотошные комары. Внезапно путь Кате пересёк огромный серый котяра, и она вздрогнула от неожиданности.

Громкий голос мужа заставил поднять голову. Он кликал её. Катя облегчённо вздохнула – бабушку они находили редко, обычно она пряталась от внучки, видимо, обижалась за что-то. Так и отправлялись зачастую восвояси, положив «полянку» на чужую могилку.

Кот заурчал и потёрся об ноги. Проигнорировав животное, Катерина зашагала в сторону голоса. Тяжёлые красные яблоки захрустели под ногами, то плодоносило ненужное здесь никому дерево. В сад бы эту яблоньку, подумала Катя, и почувствовала во рту вкус сладкой мякоти любимого дара природы. Уже виднелся крепкий затылок Сергея, казалось, слышалось его громкое дыхание, но котяра снова преградил дорогу. На фоне пепельного бархата его янтарные глаза завораживали.

– Тебе что-то от меня нужно? – наклонившись, поинтересовалась женщина.

Кот явно кивнул. Развернувшись, он понуро поплёлся назад, затем сел и оглянулся. Зовёт меня, поняла Катя, а вслух произнесла:

– Жди, вернусь.

Бабушкина могилка была ухожена. Сноха, жена брата Кати, не забывала предков умершего мужа. Внучка присела и пристально вгляделась в глаза на чёрно-белом фото. Они были весёлыми. В том, что выражение лиц на портретах покойников меняются, Катерина не сомневалась.

– Побудь с ней, пообщайся, а я пойду к машине, – бросил Сергей и зашагал к аллее, на которой оставил свой «Тигуан».

– Почему прячешься? – проводив взглядом удаляющуюся спину мужа, обратилась к мёртвой живая.

В уголках губ усопшей зазмеилась улыбка. Стало не по себе. Водрузив цветы на холмик, Катерина встала, чтобы последовать за супругом, но тут ей в ноги бросился кот.

– Ах, да…., – поморщилась она, – я же обещала.

Попрощавшись с бабушкой, она побрела за назойливым животным. И снова сотни репейных колючек атаковали её юбку, но Катя не остановилась, пока не дошла до странного, заваленного пустыми пластиковыми бутылками места, из середины которого выглядывал металлический крест. Возле импровизированной свалки уже сидел и щурился серый котяра.

Катя приуныла. Когда-то вторая бабушка, мамина мама, наказывала ей ничего не поднимать на кладбище и этот урок внучка усвоила на всю жизнь. Но животное, бесспорно, призывало человека очистить могилу, и его призыв не вызывал сомнений.

– Отстань, – развернулся, чтобы уйти, человек, но зверь бросился под ноги и выгнул спину. Глаза его угрожающе сверкнули.

И тогда, будто загипнотизированная, женщина склонилась над пустыми бутылками. Взяв верхнюю, пятилитровую, она открыла фотографию на кресте. На неё печально смотрело старенькое личико в белом платочке, такие носили в начале двадцатого века. Звали старушку Пелагеей Степановной Кулаковой.

– Сейчас всё сделаю, – шепнула Катя и стала освобождать холмик от мусора, а когда освободила его и выпрямилась, поразилась ласковой улыбке покойницы.

– Спасибо……, – эхом пронеслось в воздухе, но Катерина приняла услышанное за галлюцинацию.

– Простите, что цветов не принесла, Пелагея Степановна. Спите спокойно, – пробормотала она и повертела головой по сторонам. Котяры нигде не было.

*****

Наутро у Кати заболела в плечевом суставе правая рука. Та самая, которой она, облокотившись левой на колено, собирала бутылки, кучей наваленные на могилку одинокой старушки. И вновь вспомнился урок бабушки, строго-настрого запрещавшей поднимать что-либо на кладбище. Терпела женщина эту боль долго, а она то обострялась, то притихала. К весне опухли подмышечные лимфоузлы, и тогда она пошла к хирургу.

– Вам к онкологу надо, – опустив глаза, тихо проговорил хирург, и пациентка заметила печаль на его усталом лице. – А пока сдайте анализы, сделайте рентген.

«Надо же, – промелькнула мысль, – немолодой уже, видно, ни одна тысяча больных через него прошла, а до сих пор принимает чужую боль близко к сердцу».

И только потом подумала о себе. Неужели рак?

На следующий день, к вечеру, Катерина сидела в кабинете онколога.

– Не волнуйтесь, только вторая стадия, – ободрил доктор. – Вылечим. Но для этого вам следует лечь в стационар. Вот направление.

*****

В светлой, просторной палате стояли четыре койки. Две пожилые женщины в белых платочках лежали под капельницами. Третья, совсем юная, строила возле окна рожицы маленькому овальному зеркальцу.

– Новенькая? – обернулась девчонка к Кате. – Проходите вон на ту кровать.

И она кивком показала на место у двери. Девчонку звали Марина, старших по возрасту Светлана Ивановна и Клара Анатольевна.

– Меня завтра выписывают, – похвалилась Марина. – Я вылечилась.

– Совсем? – удивилась Катерина. Удивилась и обрадовалась. Следовательно, не всё потеряно и она тоже поправится.

– Корнеева, к тебе пришли! – заглянула в палату санитарка.

И девушка выпорхнула в коридор.

– Негодяйка, – провожая взглядом счастливицу, процедила сквозь зубы Клара Анатольевна. – Ещё две недели назад умирала, да вот, поди же. Даже профессор не поверил своим глазам.

– К чёрной колдунье её родители обратились, – отозвалась на немой вопрос новенькой Светлана.– Она поддел на кладбище сделала.

– Какой поддел? – помертвела Катерина.

– По секрету всему свету, – усмехнулась Клара Анатольевна.

– Какой поддел? – вздохнула Светлана Ивановна. – Сооружает ведьма на погосте помойку на какой-нибудь заброшенной могиле, авось, добрая душа эту помойку разберёт и на себя болезнь перетянет.

– И что самое страшное – не жилец эта добрая душа будет, – вставила Клара. —

Обычными способами такой рак не лечится. Только колдовством!

Голова закружилась, к горлу подкатил ком, и Катя плюхнулась на кровать, чтобы отдышаться. Значит, вот что с ней случилось, чей-то рак на себя взяла. А значит, скоро дети, тринадцатилетняя Алька и пятнадцатилетняя Даша, без матери останутся.

– Я тоже в сентябре могилу от мусора освободила, – призналась Катерина.

– Пустые пластиковые бутылки, небось, – ахнула Светлана Ивановна.

В комнате повисло молчание.

– Вы знаете эту колдунью? – нарушила тишину Катя.

– Это ты у Маринки спроси, – ответила Клара Анатольевна и зажмурилась. То же сделала и её соседка.

Катя подошла к окну, рука снова напомнила о себе болью.

Через полчаса пришла Корнеева.

– К какой ведьме обращались? – открыла глаза Светлана Ивановна.

– Проболтались! – взвизгнула Марина. – А почему я, такая молодая, должна умирать?

– А почему вместо тебя умереть должен кто-то другой? – возмутилась Клара. – Она, например?

И указала пальцем на Катерину.

– Причём тут она? – сощурилась девушка. – Тот, кто взял на себя мою болячку, еще не знает об этом! Скорее всего, старуха какая-нибудь, они любят могилки прибирать. А старухе и так недолго осталось.

– Катерина Юрьевна тоже взяла на себя чью-то болячку, – прохрипела Светлана Ивановна. У неё начиналось удушье.

Перестав злиться, Маришка умчалась за медицинской помощью, а Катя заплакала. Сначала тихо, потом сильнее, а затем навзрыд.

В палату заглянула испуганная медсестра, она подбежала к Светлане, сделала ей укол, затем сделала укол Катерине. Марина снова исчезла и вернулась с врачом.

Через час в палате стало тихо, каждый думал о своём. Наконец, девчонка заговорила.

– Я вам дам адрес ведьмы, – обратилась она к Кате. – Не медлите, завтра же езжайте к ней.

Лопушанка находилась в семидесяти километрах от города. Недалеко, только дорога оставляла желать лучшего. Размытая талым снегом, с горбатой колеёй, она царапала днище машины, грозя оторвать выхлопную трубу и заставляя порою съезжать на хлябающее полотно большого, поросшего сухостоем, поля.

«Тигуан» медленно приближался к цели, вот уже показалась крайняя избушка, за ней ряд бревенчатых домов в два окна постройки прошлого века. Людей на улице не было, зато гоготали гуси и мекали козы, привязанные к палкам, вбитым в землю. Крайняя избушка казалась старше своих подруг, она покосилась на один бок, из трубы шёл дым.

«Слава Богу, хозяйка дома», – облегчённо вздохнул путник.

Когда Сергей узнал диагноз жены, думал, что попадёт в психушку, а однажды увидел во сне, как Катя, опёршись левой рукой на колено, правой собирает пустые пластиковые бутылки на заброшенной могиле. В метре над могилой повис призрак старой карги. Он наблюдал за занятием доброй души, не смогшей пройти мимо чужой беды, пусть даже эта беда покойницы.

Остановив авто, путник вышел из него и тяжело потопал к ведьминому дому. Вблизи изба оказалась ещё старее: черные брёвна разъела плесень, облезлые ставни перекособочились,

покрытая толем крыша свисала клочьями. Крыльцо с разъезжающимися досками тоже покосилось и повизгивало под ногами. Сергей поднялся на него, постучал, ему не ответили. Тогда он обошел строение и обнаружил справа ещё одну дверь, позади и слева еще две. То есть, в доме имелось целых четыре выхода.

«Ничего себе», – удивился мужчина и почувствовал, что на него смотрят. В окне мелькнула тень, скрипнули ржавые петли, и в проёме двери появилась старуха лет восьмидесяти в застиранном фланелевом халате и подшитых валенках. На голове старухи красовался серый шерстяной платок.

– Чего тебе от меня надо? – грубый голос ведьмы заставил вздрогнуть.

– А можно я в дом пройду? – понимая, что разговор будет долгим, поклянчил Сергей.

– Заходи, – минуту подумав, велела хозяйка.

Мужчина повиновался.

В избе царил полумрак, казалось, всё замерло, только русская, сто лет не беленая, печь жила своей жизнью. Она пыхтела и добросовестно грела нехитрый старухин скарб.

«Большие деньги дерёт, а живёт бедно», – озадачился незваный гость.

– Садись, – кивком указала на лавку возле стола колдунья. – Вижу, привела ко мне беда. Сказывай.

И тогда Сергей поведал ей своё горе.

В комнате повисла тишина, но вдруг где-то под обтянутым паутиной потолком коротко каркнул ворон. Мужчина вздрогнул и поднял голову – птицы нигде не было.

– Помочь не в силах. Дело сделано, смирись, – старуха поджала губы и отвернулась.

– Не пожалею никаких денег, продам квартиру, машину, – осознавая, что разговор окончен, со слезами в голосе попросил Сергей.

– Нет! – отрезала ведьма. – Собственное колдовство перешибить не могу.

– Моя жена умирает, – впервые в жизни заплакал мужчина. – А у нас дети….

– На кладбище ничего подбирать нельзя, а она нарушила правило, пусть пеняет на себя, – огрызнулась старуха. – Уходи! Через месяц её не станет.

– Так ведь Катя сделала доброе дело! – изумился незваный гость.

– Добрыми делами выстлана дорога в ад, – усмехнулась колдунья.

– А если я сейчас вас убью? – в порыве отчаяния Сергей достал из кармана складной нож, не приспособленный причинить серьёзное увечье.

– Нашёл чем пужать, – равнодушно буркнула старуха. – Тогда пострадают твои дочери, а я перейду к хозяину.

– Твой хозяин – дьявол, – с сарказмом подытожил мужчина.

– Дьявол, – согласилась ведьма.

И тогда проситель бросился в ноги колдунье и стал молить о пощаде, но она указала ему на дверь.

– Наживаешься на бедах людей, – закричал Сергей, – а сама живёшь в развалюхе с четырьмя дверями! Принесли тебе счастье деньги?

– Благодаря этим четырём дверям со всех сторон ко мне приходит сила людская, – усмехнулась хозяйка дома, – а деньги я отдаю куда надо, то не твово ума дело. А бушь орать, и тебя околдую, и девок твоих заодно.

Убедившись в бесполезности уговоров, Сергей выбежал во двор и сел в машину, а в салоне долго не мог успокоиться. Только через полчаса он нажал на газ. В голове зрели утешающие мысли о том, что он обязательно найдёт другую ведьму, ещё более могущественную, или увезёт Катю в Израиль. Там, говорят, медики творят чудеса.

*****

Марину выписали. Катерина сдала анализы и к своему ужасу узнала, что у неё четвёртая, последняя, стадия онкологии. Врачи недоумевали и беспомощно разводили руками – оперировать было поздно. Почему не стали делать лучевую и химиотерапию, пациентке не объяснили.

Соседки по палате при расставании не могли сдержать слёз, ведь милую, добрую Катеньку, которую они успели полюбить, с недельным запасом наркотиков отправляли домой умирать. А когда приехал супруг, и она навзрыд расплакалась. Необычайно хотелось жить, и Катя пришла к выводу, что даже потенциальный самоубийца, попав в её шкуру, тоже стал бы ценить жизнь.

Дома больной выделили комнату, и она, лёжа в полумраке родных стен, всё больше свыкалась с мыслью о скорой кончине. Дочки по очереди ухаживали за матерью, муж, взяв отпуск, метался по округе в поисках экстрасенса, способного снять наведённый рак.

А однажды умирающая увидела сон. Старенькая бабушка в белом платочке подошла к кровати, перекрестилась и сказала: «в Липовке есть ведунья, которая тебе поможет». И назвала адрес. «Пелагея Степановна, вы»? – ахнула Катя. Но бабушка ничего не ответила. Улыбнувшись, она растворилась в сумраке на фоне надвигающегося рассвета.

Утром, отпросившись с работы, Сергей помчался в Липовку. Дом местной колдуньи находился тоже на краю деревни, но отличался от избушки чёрной ведьмы аккуратностью и новизной постройки.

– Заходите, – отозвалась хозяйка, когда гость постучал в дверь. – Садитесь, знаю я всё про вас.

– Что знаете? – опешил Сергей. Перед ним стояла женщина лет пятидесяти с добрым, улыбчивым лицом.

– Прабабушке моей, Пелагее Степановне, вы помогли, приходила она ко мне, за вас просила, – ответила ведунья и пригласила пить чай.

Еще не веря в свою удачу, Сергей сел за стол. За чаем разговорились.

– Просителей много, совсем замоталась, вот и на родную могилку осенью не попала, – вздохнув, проговорила хозяйка дома, – Я совершенно бесплатно помогу вам, как бы это тяжело не было, только тот, кто вылечился от рака благодаря вашей жене, умрёт. А чада его грех на себя возьмут. Согласны?

– Чада? – вздрогнул мужчина. – Зачем они-то?

– Таков магический закон, – ведунья отхлебнула из чашки густой травяной напиток.

– Ребятишек не надо бы, – растерялся Сергей. – Они тут ни при чём.

– Грехи предков падают на потомков, – нахмурилась белая ведьма, в её зелёных глазах сверкнуло возмущение, – Жаль, далеко не все знают об этом. Я бы ввела курс начальной магии в школах, чтобы люди ответственнее относились к своим поступкам. А теперь езжайте.

– А как вы будете лечить мою жену, не видя её? – озадачился мужчина.

– Бог её видит, – отозвалась она, – а с Божьей помощью увижу и я.

*****

На следующий день умирающая встала в туалет, а через неделю начала принимать пищу. За окном расцветала весна, а вместе с ней оживала и Катерина. Онкологи не верили своим глазам и ссылались на постановку неправильного диагноза, а Катя знала, кто помог ей выздороветь, только жалость к детям прибегшего к чёрной магии омрачала её счастье.

А однажды ей снова явилась во сне Пелагея Степановна. Она обняла Катерину и прошептала:

– Не сокрушайся по поводу переступивших через Божии заповеди, бабонька, они выбрали свой путь, который приведёт в ад не только их, но и их потомков. Если гниёт корень, опадают и листья.

Если опустеет квартира

– Снова не убрала за своим котом! – послышалось из туалета, когда Елена готовила завтрак.

– Только что проверяла наполнитель, – растерялась она. – Когда успел?

Мишка был, как всегда, раздражен. Вымыв руки, он сел за стол, поморщившись, взял горячий блинчик, откусил его и запил чаем с лимоном.

А Лена побежала чистить за Марсиком лоток.

Кот сидел в коридоре и, казалось, чувствовал себя виноватым.

– Чаем обжёгся! – донеслось с кухни. – Не могла с молоком сделать!

– Ты же вчера не хотел с молоком, – откликнулась она.

– Это было вчера, – вспылил Михаил.

Ей не повезло с замужеством, сама виновата. Не надо было выбирать брак по любви. Чем дольше они живут, тем больше она понимает, что хочет убежать от Малахова хоть на край света. Уже сорок лет, а детей не предвидится. Муж против детей.

– Хочешь рожать, уходи! – обычно говорит супруг, когда жена заговаривает о малыше. И Елена замолкает. И думает о том, что во всем белом свете нет у неё никого. Как-то незаметно отошли в прошлое подруги, Михаил не любил её подруг, потом перестали заходить соседи, телефон все реже и реже тревожил Мишкин покой.

– Сегодня тридцать первое декабря, – ненавидя свою мягкость и уступчивость, вздохнула Лена и пошла в ванную.

– Ну и что тридцать первое? – с сарказмом поинтересовался голос Малахова.

Вот ведь, услышал. Всегда все слышит. Такое впечатление, что в каждом углу стоят подслушивающие устройства. Вчера она приготовилась к встрече Нового Года – испекла торт, налепила пельменей, сделала «оливье» и «под шубой». Вроде бы, ничего особенного, а провозилась весь день. Благо, что не работает. Хорошо ли что она не работает? Может, на работе отдохнула бы от домашней суеты? А ведь когда-то Лена окончила институт. Только муж сказал, что ему не нужна умная жена, а нужна хозяйка дома.

Мама тогда воспротивилась решению дочери стать хозяйкой, но Лена её не послушалась.

Мама жила недалеко, через дорогу, в однокомнатной квартире на четвертом этаже «хрущёвки», над ней обитала ее давняя подруга. Лена иногда приходила к маме и удивлялась дружбе пожилых женщин.

– Вместе живём, вместе и умирать будем, да, Валечка? – обнимала любимую соседку Елизавета Михайловна. – А ты, Ленка, садись, чаи с вареньицем распивать будем.

– А как же, – улыбалась уголками губ Валентина Васильевна. – Присаживайся, доченька, Лизонька вот пирожок с яблоками принесла.

Она тогда не знала о диагнозе. И подруга не знала.

А как-то маме стало нехорошо, вызвали врача, Тот послал её на анализы, анализы показали онкологию, причём в последней стадии.

– Выздоровеешь, – нахмурилась Елизавета, когда мама заговорила о смерти. – Я же сказала, что вместе туда уйдем! А я здорова, как бык!

Валентине Васильевне становилось все хуже, Елизавета Михайловна упорно сидела возле неё сутками и постепенно худела. А как-то пожаловалась Лене на недомогание.

– Уже неделю ничего не ем, – призналась она. – А если поем, рвёт.

– Сходите к врачу, обследуйтесь, – испугалась Лена и подумала, что Малахов не даст ей ухаживать за матерью.

– Схожу, – кивнула Елизавета. – А ты, если положат в стационар, с Валюшей посиди.

Десять дней, несмотря на скандалы дома, Лена дежурила у постели больной, а однажды вечером зашла бледная, как смерть, мамина подруга. Её выписали.

– Стеноз привратника, – прислонившись к стене, сообщила Елизавета Михайловна. – Оклемаюсь, только малость отдохнуть надо.

И поднялась к себе.

Но она не оклемалась. И тогда Елизавету снова положили в больницу.

– Нанимай сиделку, – как-то вечером приказал Мишка. – У тёщи хорошая пенсия, оплатит, не переломится.

– Не найму, – заупрямилась тогда Лена. И удивилась, что муж промолчал.

Только после её решения отношения у них совсем испортились.

Маме становилось все хуже, под действием наркотиков она спала сутками и ничего не ела.

Елизавета Михайловна звонила из больницы и с болью в голосе интересовалась состоянием подруги.

Вечерами Елена уходила домой, чтобы переделать домашние дела. Мишка дулся и не разговаривал, Лена терпела.

А как-то встретила она на улице участкового врача.

– Какой стеноз привратника? – вздохнула врач. – У Павловой рак пищевода.

Через десять дней Елизавета Михайловна умерла прямо в палате. А ровно через неделю после смерти подруги, так и не узнав о её кончине, умерла мама.

*****

После обеда Мишка лег спать, а встал к вечеру без настроения. Как всегда.

Лена собрала и нарядила искусственную елку, накрыла на стол, а потом взяла в руки мурлыкающего Марсика и задремала.

– Вставай, – неожиданно толкнул её в плечо Малахов. – Есть хочу!

– Так всего восемь часов, – выныривая из сна, растерялась женщина. – Давай уж в десять за стол сядем, а то до боя курантов наедимся, потом не интересно будет. А новогоднюю ночь продлить хочется.

– Сядешь, – разозлился супруг. – В десять я спать лягу.

– Неужели я буду встречать Новый Год одна? – чуть не заплакала Лена. – Я же готовилась, старалась.

– Почему одна? С котом встречай, – съехидничал Михаил.

А потом налил себе рюмку водки. Выпив и плотно закусив, он вернулся в спальню.

Раздался храп. Стараясь отвлечься и развлечься, Елена включила телевизор. Те же самые скоморохи пели и плясали на цветном экране. Щелкнув пультом, она попала на «Иронию судьбы или с легким паром». «И отчего сейчас не ставят нечто подобное? – переключая каналы, рассуждала она, – Куда делись современные рязановы и гайдаи? И почему нет качественных современных песен»?

Прошло три часа бесполезного времяпрепровождения, и вдруг Лена неожиданно поняла, что больше так жить не может. И не хочет. Встав с дивана, она прислушалась к храпу мужа, а затем оделась и, бесшумно закрыв входную дверь, вышла из квартиры. Только напоследок бросила взгляд на Марсика, понуро сидевшего в коридоре.

– На дворе холодно, – извинилась женщина перед котом, – ты уж прости меня, не хочу рисковать твоей жизнью.

На улице было тихо, безветренно и морозно. Люди разошлись по домам и сидели за праздничными столами в кругу близких и любимых.

– Хорошо вам, – прошептала Лена и почувствовала, что плачет.

А затем задумалась, куда пойдет.

В парк, чтобы повеситься? А вдруг ад есть на самом деле и её неприкаянная душа будет мучиться до окончания веков? В ресторан? У неё нет денег на ресторан и, к тому же, она для такого заведения не одета. В гостиницу – причины те же. К бывшим подругам? Они уже давно забыли её. К соседям? Поздно, да и не поймут они прихода незваной гостьи.

Ноги сами собой понесли в сторону маминого дома.

«Вот бы бутылку шампанского прихватить! – проходя мимо магазина, подумала Елена и с надеждой взглянула на дверь в «Магнит», на ней висела табличка с большими напечатанными буквами: «ЗАКРЫТО». Ну и ладно, она нальет воды из-под крана и помянет усопших неразлучных подруг.

Порывшись в кармане шубки, женщина обнаружила кроме ключей от маминой квартиры конфету. Вот и закусить будет чем. Елена горько усмехнулась.

Дорога, которую надо пересечь, чтобы попасть в мамин квартал, была непривычно пуста.

Да и в самом квартале не было прохожих. Неожиданно возле одного из параллельно стоящих домов показалась одинокая фигура девушки в белом одеянии. Она медленно брела навстречу. В облике девушки ощущалась тайна, причем какая-то нехорошая тайна, будто она появилась для того, чтобы увести одинокую путницу в неведомый мир, состоящий из злых, мстительных духов.

Елена ускорила шаги и оказалась у знакомой пятиэтажки. Остановившись, она взглянула на балконное окно родного жилища. В нем мелькнул свет, который возникает при слабом горении движущейся свечи.

«Галлюцинации», – отмахнулась женщина и всмотрелась на свет снова. Он не исчез.

Скрип легких шагов послышался за спиной. Лена оглянулась и увидела ту самую девушку в белом, которую испугалась. Вместо глаз на лице незнакомки зияли пустоты.

Метнувшись от ужаса к подъезду, Елена быстро приложила ключ к домофону и ворвалась в освещенное тепло помещения, сулившего безопасность.

Мягкое мерцание лампочек успокоило. Отовсюду лилась приятная музыка и, казалось, наполняла собою замкнутое лестничное пространство.

На втором этаже стояла высокая фигура худого мужчины в праздничном черном костюме. Отвернувшись к окну, она курила.

«Павел»? – вздрогнула Елена, но отринула эту нелепую мысль. Павел умер от онкологии два года назад.

Юркнув мимо безмолвного курильщика, она поднялась на четвёртый этаж и, еле попав ключом в замочную скважину, открыла дверь.

В квартире стоял полумрак, в центре зала высился стол, накрытый белой скатертью. Запах свежеиспечённого пирога, ёлки и мандаринов ударил в нос.

«Наверное, не туда попала, – ошарашено разглядывая знакомую обстановку, попыталась убедить себя Лена. – Или Малахов, ничего не сообщив, пустил квартирантов».

– Кто это? – послышался с кухни знакомый женский голос.

– К нам гости! – рассмеялась вторая обитательница жилья и выплыла из сумрака, украшенного разноцветными вспышками гирлянд, обхвативших небольшую стройную ёлочку. – Доченька, ты, что ли?

Почему Елена сразу не грохнулась в обморок, она не поняла. Только ноги предательски задрожали в коленных чашечках, и перехватило дыхание.

– Золотце моё, как же я рада тебе! – бросилась на шею пожилая женщина, как две капли воды похожая на Валентину Васильевну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.